

ПРЕОДОЛЕНИЕ ЕДИНСТВА И ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ НЕСТАБИЛЬНОСТЬ

Д.С. ШАЛАГИНОВ

...старый мир ставится под сомнение не в своих случайных проявлениях, но именно в своей природе упорядоченного космоса... Мир Протея – не хаос, но все же это универсум, в котором устанавливаются новые связи между вещами.

Умберто Эко

Онтологическая нестабильность

«Вычитать единственное из множества»¹ – этот лозунг Делёза и Гваттари можно считать программным для онтологических построений, анализу которых посвящена данная работа. Речь пойдет о так называемых нестабильных онтологиях, концепт которых был сформулирован в русле философии Эссекской школы дискурс-теории (к ней, помимо основателей – Эрнесто Лаклау и Шантали Муфф, – относятся такие теоретики, как Ларс Тондер, Лассе Томассен, Джейсон Глинос, Яннис Ставракакис, Алетта Норваль, Оливер Маршар и др.) и введен в 2005 г. в статье Маршара «Отсутствие в сердце присутствия: радикальная демократия и онтология нехватки»², где онтологическая нестабильность рассматривается как продукт апоретического мышления «оппозиции без оппозиции». Философские проекты такого типа, напрямую связанные с критикой классических «стабильных» онтологий (ассоциирующихся с именами Вильгельма Готфрида Лейбница и Христиана Вольфа), в которых различие рассматривалось как вторичное, отказываются от традиционной логики сущности в пользу радикального антиэссенциализма, примата различия, мыслящегося за пределами бинарных оппозиций³.

Попытка Маршара обеспечить доступ к «отсутствию в сердце присутствия» приводит его к логике *double bind*, позволяющей помыслить «более двух альтернатив» и тем самым переопределить понятие онтологии как одновременно 1) онтологии нехватки; 2) онтологии различия; 3) онтологии избытка. Первая ассоциируется с возрождением интереса к Гегелю во Франции прошлого века⁴ и представлена именами Александра Кожева, Жана Ипполита, Жака Лакана, Жана-Поля Сартра, в современной философии – с постмарксизмом Люблянкой школы философии (Славой Жижек, Аленка Зупанчич, Рената Салецл). Второй вариант ассоциируется с именами Мартина Хайдеггера и Жака Деррида. Третий – с философией события и шизоанализом

Жиля Делёза и Феликса Гваттари, современным делёзианством (Пол Пэттон, Уильям Конноли, Клэр Коулбрук, Джон Протеви и др.), операизмом и постопераизмом Антонио Негри и Майкла Хардта, Паоло Вирно, Маурицио Лаззарато, Франко Берарди.

В рамках Эссекской школы дискурс-теории концепт нестабильных онтологий разрабатывается в первую очередь в связи с переосмыслением понятия основания, которое мыслится как прекарное и негативное. Сергей Жеребкин, посвятивший книгу «Нестабильные онтологии в современной философии» разработке концепта Оливера Маршара, заявляет, что основание в соответствующих онтологических конструктах «понимается как негативное, «смещенное» (в терминах Деррида) или «отсутствующее» (в терминах Хайдеггера)»⁵, из чего следуют характерные для нестабильных онтологий принципы: 1) радикального антиэссенциализма; 2) радикального плюрализма; 3) контингентности, препятствующие онтологической позитивизации, устраняя бытие как достаточное основание в пользу неразрешимости, частичности — онтологической негативности.

Таким образом, концепт нестабильных онтологий может получить свою дефиницию именно за счет устранения метафизического принципа достаточного основания Лейбница/Вольфа: фигурой основания в таком случае становится изначальная множественность, не имеющая ничего общего с вольфовским единством основания.

Однако попытка отказаться от единства в пользу множественности наталкивается на неожиданное препятствие: прямое и непосредственное отрицание единства приводит к перформативному противоречию, ведь такое отрицание, тем не менее, предполагает возможность говорить обо всем мире в целом и сразу даже в модусе отрицания его единства⁶. Рассмотрению проблемы единства в его отношении с провозглашаемой теоретиками нестабильных онтологий множественностью, т.е. возможности переосмысления единого в условиях эрозии традиционного представления об основании и посвящен нижеследующий анализ, в рамках которого мы решили ограничиться рассмотрением концепций ключевых теоретиков множественности — Делёза, Гваттари, Негри, Хардта, Вирно и Бадью. Задача, поставленная в данном тексте, может быть понята как попытка зафиксировать контуры ускользающего единства, претерпевшего радикальную трансформацию в построениях указанных мыслителей.

От монадологии к номадологии

Следуя дефиниции нестабильных онтологий как онтологий, извлекающихся от принципа достаточного основания, мы должны, во-первых, прояснить, что понимается под этим концептом в философии Лейбница, который ввел его в метафизический словарь, и во-вторых, показать, каким образом происходит устранение основания.

Итак, достаточное основание есть последняя причина всех вещей, находящаяся в необходимой субстанции — Боге, — выступающем упорядочивающим источником вселенского многообразия: «...последняя причина вещей должна находиться в необходимой субстанции, в которой многообразие изменений находится в превосходной степени, как в источнике; и это мы называем Богом»⁷. Лейбниц заявляет, что последнее основание должно пребывать вне цепи разнообразия случайных вещей, несмотря на бесконечность последнего. Взаимосвязь монад обеспечивается главной монадой — Богом (вкратце принцип достаточного основания заключен в следующей формуле: «...существует только один Бог, и этого Бога достаточно»⁸), заключающем в себе столько реальности, сколько возможно, из чего следует вывод о его абсолютном совершенстве. Но если Бог содержит в себе всю полноту реальности, выполняя также гармонизирующую функцию, то каждая из монад — «живое зеркало универсума», т.е. обладает способностью выражать мир целиком и полностью, но ясным образом выражает лишь его часть. Область ясного выражения мира одной монады продолжается в ясной области другой, но в темных зонах одной и той же монады ясная область продолжается до бесконечности. В книге, посвященной Лейбницу, Делёз выводит из идеи монады как энтелехии, выражающей универсум целиком и полностью, определение мира, в котором фиксируется трансформация традиционного представления о единстве: мир — бесконечная кривая, касающаяся бесконечного множества кривых в бесконечном множестве точек, кривая с единственной переменной, конвергентная серия всех серий⁹. С одной стороны, мы все еще находимся на территории плюральной онтологии Лейбница, где «все тела, подобно рекам, находятся в постоянном течении, и части непрерывно входят в них и выходят оттуда»¹⁰, с другой «простота» обнимающих многое в едином монад растворяется в Хаосмосе — виртуальной всеобщности, ведь их основание «отодвигается в трансфинитное множество, относящееся к «до бесконечности бесконечной» серии — миру как непрерывности становления. Чтобы лучше понять намерения французского мыслителя, выстраивающего на территории Лейбница свою онтологию, обратимся к концепту дизъюнктивного синтеза — ключевому для осмысления делёзианской философии в целом и интересующей нас трансформации единства в нестабильных онтологиях в частности. В «Складке» (1988) читаем: «...условия возможности понятия Бога, нон-отношения, обуславливающие все возможные отношения»¹¹. Не-взаимоотношения являются отношениями, основанными на нейтральном равенстве Единого. Делёзианский дизъюнктивный синтез — процесс, в ходе которого мысль поддерживает отношение с определяющим ее бытием, т.е. возможность мысли как таковой истекает из «безусловного отношения с внешним», с бесчеловечной

нейтральностью бытия как виртуальной всеобщности: «Мышление не является стихийным выплеском свойственной нам способности. Это с трудом отвоеванная у себя возможность быть вовлеченным во вселенскую игру»¹². Мир существует актуально лишь через своих агентов, которые являются его временными актуализациями, и мысль требует от субъекта аскетического стремления к Внешнему — «к тому, пустому месту, где внеличностные могущества овладевают нами и принуждают нас к тому, что мы заставляем мысль существовать через нас»¹³. Подобно Спинозистской интеллектуальной любви к Богу, делёзианская пронизанность актуализацией универсальной виртуальности требует от субъекта мысли осознания себя как модуса выражения нейтральной бесчеловечности бытия. Ален Бадью, комментируя принцип дизъюнктивного синтеза, пишет: «...мыслить не-взаимоотношение, сообразуясь с Единым, которое служит ему основанием, коренным образом разделяя его члены»¹⁴. Таким образом, дизъюнктивный синтез представляет собой безразличие сингулярностей к любым отношениям, их не-взаимосоотнесенность, которая является основой онтологического единства — единства бытия как непрерывности становления, пролиферации различий, расхождения серий: «Единогласие бытия не означает, что существует одно и то же бытие: напротив, сущности множатся и делятся; все они — продукты дизъюнктивного синтеза, они сами разобщаются и расходятся, *membra disjuncta*»¹⁵. Делёз ставит знак тождества между бытием и смыслом, который является «единственным голосом за тысячеголосое множество»¹⁶, т.е. однозначностью бытия, производящей бесконечное множество смыслов-модусов своей поверхностью. Однозначный смысл бытия онтологически есть нонсенс, поскольку действителен как наделение смыслом. Бытие как событие заводит механизм дизъюнктивного синтеза, обеспечивающий расхождение серий доиндивидуальных сингулярностей. Таким образом, мы получаем онтологическую картину театра симулякров бытия — временных актуализаций Всеединого, разобщенных продуктов, производимых парадоксальной инстанцией — смыслом. Если монада Лейбница подчинялась правилам замкнутости и отбора: она включала в себя мир, не существовавший за ее пределами, и этот мир предполагал перво-выбор конвергенции, то сингулярность Делёза располагается на стыке несуществующих миров, находясь в непосредственной связи с дивергентными сериями, поддерживающими ее в полуоткрытом состоянии. Философ завершает работу о Лейбнице знаковым утверждением: «В той степени, в которой мир в наше время состоит из дивергентных серий (хаосмос), а бросок игральными костями заменил собой игру Полноты, монада уже не может включать в себя целый мир, словно в изменяемый посредством проекции замкнутый круг, — но открывается в сторону некоей траектории или расширяющейся спирали, ко-

торая непрерывно удаляется от центра... вариация... отождествляется с траекторией, а монадология дублируется “номадологией”¹⁷. Делёз вводит парадоксальную фигуру единства разделенного, устраняя всесовершенную монаду, Бога, пребывающего вне бесконечной цепи прочих монад, обеспечивающего возможность их взаимоотношений, гармонизируя их сосуществование. Делёзианский Бог как господин дизъюнктивного синтеза¹⁸ по большому счету может быть прочитан как одна из метафор смысла-нонсенса, или единоголосия бытия. Философ не устраняет вселенскую гармонию, но растворяет ее в неразличимости, и эта доходящая до неразличимости гармония имеет своим «основанием» единую плоскость смысла, единый вселенский план имманентности. Концепт плана имманентности, или консистенции, позволяет мыслителю, во-первых, коренным образом пересмотреть единство бытия («не существует ни единичного, ни множественного»¹⁹), во-вторых, ликвидировать оппозицию хаос-космос в пользу Хаосмоса.

План имманентности представляет собой решетку или вселенское сито, сравнимое с эластичной мембраной, электромагнитным полем или вместилищем из платоновского диалога «Тимей», которое вбирает в себя все роды вещей, само будучи лишенным какой бы то ни было формы. Хаос как таковой не существует независимо от сита, являясь его изнанкой. Это дизъюнктивное разнообразие, из которого благодаря вмешательству сита рождается Событие — «некая вибрация с бесконечным количеством обертонов или подмножеств»²⁰, собственно Единое как непрерывность становления, собирающая на одной вселенской плоскости ветвящиеся потоки событий. То есть, вопреки расхожему мнению, задача Делёза — не столько в уничтожении единого, сколько в его радикальной трансформации, детрансцендировании («трансцендентность всегда есть продукт имманентности»²¹), сведении к абсолютно имманентной Жизни.

В «Складке» Делёз называет план имманентности до бесконечности машинизированной машиной, образующей Природу. Нужно понимать, что коренное отличие рассматриваемой онтологической модели состоит в отказе от тотализации бытия — Жизнь ни в коем случае не представляет собой некую целостность. В статье «Лукреций и натурализм» (1969) автор предлагает взгляд на Природу, произведения которой неотделимы от основополагающего разнообразия: «...принцип создания разнообразия имеет смысл только в случае, если он не соединяет свои собственные элементы в единое целое... Природа не образует единого целого, она рассеяна везде... Природа — не определяющее, а соединяющее начало, она выражается через “и”, а не через “есть”... природа — это, конечно же, сумма, но не единое целое»²². Жизнь мыслится как совокупное единство потоков становления («само бытие некоего сущего необходимо понимать как становление;

как различие, как дифференциацию»²³), а так как становление в системе Делёза и Гваттари есть множество («становление и множество — одно и то же»²⁴), мы можем говорить о мире как о плане, на котором кочуют гетерогенные множества, трансформирующиеся друг в друга. Множество — одно из центральных понятий французского тандема — определяется лишь числом своих измерений, которые оно утрачивает или приобретает, непрестанно меняя свою природу. Оно обладает ризоматической природой: собственно, согласно одной из многочисленных дефиниций, ризома — пересечение измерений в множестве, с необходимостью меняющее свою природу по мере наращивания новых соединений. Скомпонованные из гетерогенных элементов множества определяются лишь границами, непрерывная вереница которых образует волокно, конституирующее линию детерриторизации, т.е. возможное направление дальнейшей трансформации множества. Принципы соединения и неоднородности, формулируемые авторами, предполагают возможность присоединения каждой точки ризомы к любой другой (любопытная параллель из области литературы — вот, что пишет Умберто Эко о романе «Улисс»: «Эта система позволяет обнаружить узлы связей внутри этого пространственно-временного континуума, в котором изначально все вправе связываться со всем, и единственный устойчивый закон — это возможность множества соединений»²⁵), образуя переплетение линий соединения. Несмотря на провозглашаемое философами вычитание единства, они создают обновленную модель последнего. Как отмечает Василий Кузнецов, «это единство динамическое и постоянно варьирующееся»²⁶, которое вовсе не обязательно рассматривать в оппозиции с множественным — в силу того, что оно является значительно более гибким, не подводящим свои элементы под общие признаки. Таким образом, единый дом бытия отнюдь не рухнул, «но что изменилось — так это организация дома и его характер»²⁷.

Категория-амфибия

Онтология избытка, разработанная Делёзом и Гваттари, избавляется от негативности и нехватки, которые имели фундаментальное значение в концепциях нео-гегельянского (и лаканианского) толка. С точки зрения французского тандема, Лакан и его последователи стали жертвами призрака структурализма, недооценившего сложность и глубину социальной жизни, редуцировав опыт различия к вопросу нехватки²⁸. Дабы избежать структуралистского редукционизма, Делёз и Гваттари вводят идею ризомы, которая, по мнению Тондера и Томассена, добавляет два новых измерения к концептуализации радикального различия: во-первых, ризоматика позволяет описать процесс функционирования различий внутри случайно возникающих сетей, синтезирующих существующие различия в

нечто новое; во-вторых, она предоставляет возможность осмысления продуктов этого синтеза не столько как попыток восполнения предшествующей нехватки, сколько как творческой актуализации виртуальной всеобщности. Нехватка мыслится как вторичная по отношению к различию, она вписывается в социальное тело в ходе его кодирования так аппаратом захвата, т.е. теми или иными формами государственности, устанавливающими иерархии и канализирующими желание (Джудит Батлер отмечала, что для Делёза есть лишь желание и социальное²⁹). Ризома как стая или сборка социального выступает в качестве *metamorphosis-machine* (термин Пола Пэттона³⁰), или машины войны, – группы, внешней по отношению к государству и уклоняющейся от кодификации путем трансформации, отказа от идентичности – становления невоспринимаемым³¹. Создание нового напрямую связано с плюралистическим роением свободных, диких, неприрученных сингулярностей, совокупность которых и составляет множество.

Концепт множества является центральным для теоретиков постопераизма – Антонио Негри, Майкла Хардта, Паоло Вирно. Делёзианская идея роя неприрученных различий получает развитие в образе разума пчелиного роя, о котором размышляют Хардт и Негри. Авторы прибегают к метафоре «пчелиного разума» для того, чтобы продемонстрировать социальную, не укорененную в разуме отдельного индивида природу интеллекта: «...понятие пчелиного роя выводится из коллективного поведения общественных животных, таких как муравьи, пчелы и термиты, чтобы изучить распределенные системы интеллекта с множеством его носителей»³². Несмотря на отсутствие интеллекта у каждой отдельной особи, рой в целом представляет собой разумную систему, не нуждающуюся в контроле из центра. Подобная модель становится гораздо сложнее в случае с сетевым человеческим множеством, каждая единица которого обладает значительно большим творческим потенциалом и отнюдь не нуждается в отказе от своих отличительных признаков, вступая в коммуникацию. Таким образом, мы получаем пестрое разнообразие, порождающее коллективный разум. Теоретики нестабильных онтологий относят идеи Антонио Негри и Майкла Хардта к онтологии избытка – если у Делёза и Гваттари избыточный характер носит желание, бесконечным потенциалом производства которого обладает бессознательное, то у постопераистского тандема это – «интеллектуальное, нематериальное, аффективное производство», другими словами, творческие способности субъектов, составляющих множество: «...такое производство выходит за рамки идеи меры как таковой, иначе говоря, перестает определяться на деле как негативное преодоление границ измерения, с тем чтобы стать просто – абсолютно утвердительным и позитивным образом – силой живого труда»³³. Концепт множества в философии

постоопераизма напрямую связан с производством: в частности, социально-экономическая дефиниция представляет множество как общий субъект воплощенного в жизни постмодернистского производства. Мыслители проводят резкую черту между понятиями народа, толпы, или массы, и множества. Если в народе, состоящем из индивидов и классов, социальные различия сокращаются до состояния единообразия, что позволяет ему выступать в качестве суверенной власти, множество сохраняет плюралистичность, не обладая внутренним единством. Толпа/масса характеризуется инертностью, отсутствием способности к самостоятельному действию, в связи с чем легко поддается внешним манипуляциям, тогда как множество, несмотря на внутреннюю гетерогенность, является активным социальным субъектом — это своего рода самоуправляемая живая плоть, ставящая под сомнение формирующую иерархический политический организм суверенную власть. По Негри и Хардту, это единственный социальный субъект, способный осуществить идею демократии как управления каждого каждым. Множество, избегая идентичности (чем обладает народ, в который стремится переплавить множество государство) и единства (в которое пытается превратить множество капитал с целью своего глобального развертывания), базируется на том, что в нем есть общего. Значение идеи «общего» для теории постопераизма трудно переоценить: во-первых, Общее — это совокупность способностей, характерных для каждого субъекта, включенного в множество (главной из которых несомненно является лингвистическая, т.е. способность к коммуникации), во-вторых, Общее — фундамент грядущего мира коммунизма, или подлинной демократии, основанной на самоуправлении, — мира (рассматриваемого в качестве единственной альтернативы Империи, постмодернистского мира глобализованного капитала и общества контроля, — их анализу посвящена другая работа Негри и Хардта — «Империя» (2000)³⁴), создание которого является ключевой задачей множества. Более того, концепт общего чрезвычайно важен для понимания отношения множества с единым: «...множества не противопоставляются Единому, но заново его определяют... единство... становится скорее языком, интеллектом»³⁵, — заявляет Паоло Вирно. Жизнь разума, General Intellect (другой итальянский теоретик Франко «Бифо» Берарди вводит понятие когнитариат, сплавляя термин «пролетариат» и латинское *cognitio* (познание), дабы отразить специфику современного общественного процесса, ключевую роль в котором играют производство и интерпретация информации³⁶) становится Единым для способа быть множеством. Единое, не имеющее ничего общего с государством, связано с общими лингвистико-познавательными способностями человеческого рода. Говоря о связи множества с языком, упомянем, что Негри и Хардт даже отмечают лингвистический характер организации множества:

«...точно так же, как фраза рождается в языке, решение порождается множеством, что сообщает смысл целому и название — событию»³⁷. Множество, констатирует Вирно, есть категория-амфибия, связанная, с одной стороны, с общественным производством, базирующимся на знании и языке, с другой стороны, — с кризисом Государства как формы. В качестве формы сопротивления государству Вирно, Негри и Хардт предлагают фигуру исхода: дабы воспрепятствовать захвату избытка знания, способности к виртуозному совместному действию государством, лишённые чувства дома космополитичные bricoleurs сопротивления и сотрудничества стремятся к дезертирству (исходу) как форме автономного утверждающего действия, уклонения от превращения множества в производственный ресурс. Таким образом, множество оказывается противопоставленным отнюдь не Единому (которое оно переопределяет), но агентам тотализации — будь то государство или мировой капитал.

Лейбниц без Бога

Постопераистская идея коммунизма форм жизни вызвала едкую критику со стороны другого теоретика множественности, «друга-врага» (как он сам выразился) Делёза французского философа-постмарксиста Алена Бадью, который зло поиздевался над наивным оптимизмом «тех учеников Делёза, что заняты восхвалением обратной стороны необузданного капитала — креативности множеств»³⁸. Философ высмеивает их, заявляя, что они узрели в альтер-глобалистских демонстрациях планетарную сущность коммунизма форм жизни, тогда как Делёз, часто скептически настроенный по отношению к собственным теоретическим измышлениям, когда они касались политики, наверняка посмеялся бы над пафосом своих последователей. Самого Делёза Бадью критикует за то, что тот принимает лейбницеанский принцип предустановленной гармонии, ведь дивергентные серии приводятся в движение Событием становления. Тем самым Всеединство Делёза служит Бадью поводом для обвинения его в латентной религиозности, тогда как бескомпромиссный сторонник множественности Бадью заявляет, что Бога не существует, что для него тождественно отсутствию Единства: «...проект Бадью основан именно на исключении Единого из мысли»³⁹. Философ утверждает, что имманентность исключает Целое — есть лишь множественности⁴⁰, предельная точка которых — пустое множество. Бадью называют Лейбницем без Бога. Сам он комментирует это следующим образом: «...если вы уберете из системы Лейбница Бога, по ней пройдет волна разрушительных последствий. Мир уже не будет лучшим из миров. Он станет совершенно контингентным, а если он совершенно контингентен, следует убрать принцип предустановленной гармонии, а если его убрать, человеческое действие не будет ничем руководствоваться»⁴¹.

Дабы избежать этой дезориентации, Бадью прибегает к концепту события, порождающего истину как процесс событийной верности. Но истина «множественности-без-единства»⁴², о которой говорит французский философ, является «практически произвольной, что вряд ли намного лучше полного отказа от нее»⁴³.

Попытка Бадью ликвидировать единство наталкивается на непреодолимое препятствие – дискредитацию Одного в пользу Многого поддерживает бинарную оппозицию, семантическую ось Единое/Многое, тем самым усилие по преодолению господства Единого приводит к перформативному противоречию, ведь всякая гипотетическая негация единства мира предполагает неявную возможность говорить обо всем мире в целом – пусть даже в модусе отрицания его единства и целостности. Василий Кузнецов характеризует такие попытки как способ утверждения негативного единства мира. Тем самым приходится поставить под вопрос успешность проекта Бадью по аннигиляции Единого.

Так или иначе, его философский жест является характерным для утверждения контингентности, основания без основания в нестабильных онтологиях. Детрансцендируя бытие, устраняя его организующий принцип в пользу множественности, рассмотренные концепции в той или иной форме сохраняют Единое – как всеобщую виртуальность Хаосмоса или Общее: универсум, утратив свой центр, приобретает лишенное самого себя единство, безосновную основу.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. – Екатеринбург: У-Фактория; – М.: Астрель, 2010. С. 11.

² Marshart O. The Absence in the Heart of Presence: Radical Democracy and the 'Ontology of Lack' // Radical Democracy between Abundance and Lack / L. Tonder, L. Thomassen (eds.). – Manchester: Manchester University Press, 2005.

³ См.: Поспелова О.В. Онтологические горизонты политических теорий: опыт мета-философского анализа. – URL: <http://www.polygnosis.ru/txt/601.pdf>

⁴ См.: Гаспарян Д.Э. Введение в неклассическую философию. – М.: РОССПЭН, 2011. С. 145 – 147.

⁵ Жеребкин С. Нестабильные онтологии в современной философии. – СПб.: Алетейя, 2013. С. 30.

⁶ См.: Кузнецов В.Ю. Взаимосвязь единства мира и единства культуры. – М.: Институт Общегуманитарных исследований, 2013. С. 14.

⁷ Лейбниц Г.В. Монадология. – URL: <http://philosophy.ru/library/leibnitz/mon.html>

⁸ Там же.

⁹ Делёз Ж. Складка. Лейбниц и барокко. – М.: Логос, 1997. С. 87 – 88.

¹⁰ Лейбниц Г.В. Монадология.

¹¹ Делёз Ж. Складка. С. 91.

¹² Бадью А. Делёз. Шум бытия. – М.: Логос-Альтера, 2004. С. 22.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 34.

¹⁵ Делёз Ж. Логика смысла. – М.: Академический Проект, 2011. С. 236.

¹⁶ Делёз Ж. Различие и повторение. – СПб.: Петрополис, 1998. С. 363.

¹⁷ Делёз Ж. Складка. С. 242.

¹⁸ «Тому, кто спрашивает: “Верите ли Вы в Бога?”, мы должны ответить в подлинно кантианской или шреберманской манере: конечно, но только как в господина дизъюнктивного силлогизма, как в априорный принцип этого силлогизма (Бог определяет *Omnitudo realitatis*, из которой благодаря разделению исходят все производные реальности). Божественным, следовательно, является только качество дизъюнкции» (см.: Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. – Екатеринбург: У-Фактория, 2008. С. 30).

¹⁹ Делёз Ж. Фуко. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 1998. С. 38.

²⁰ Делёз Ж. Складка. С. 135.

²¹ Делёз Ж. Имманентность: Жизнь... – URL: <http://dironweb.com/klinamen/fila15.html>

²² Делёз Ж. Лукреций и натурализм. – URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000175/index.shtml>

²³ Комаров С.В. Анатомия складки Ж. Делёза. – URL: <http://www.academia.edu/3168979/>

²⁴ Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. С. 411.

²⁵ Эко У. Поэтики Джойса. – СПб.: Симпозиум, 2006. С. 227.

²⁶ Кузнецов В.Ю. Взаимосвязь единства мира и единства культуры. С. 111.

²⁷ Делёз Ж. Складка. С. 242.

²⁸ Tonder L., Thomassen L. Rethinking Radical Democracy between Abundance and Lack. Introduction // Radical Democracy between Abundance and Lack / L. Tonder, L. Thomassen (eds.). – Manchester: Manchester University Press, 2005. P. 6 – 7.

²⁹ Butler J. Subjects of Desire: Hegelian Reflection in Twentieth-Century France. – N. Y.: Columbia University Press, 2012. P. 205.

³⁰ Robinson A. Why Deleuze (still) matters: States, war-machines and radical transformation. – URL: <http://ceasefiremagazine.co.uk/in-theory-deleuze-war-machine/>

³¹ Разработка стратегий детрансцендирования и сопротивления аппарату захвата позволила Делёзу и Гваттари, Хардту и Негри (о них см. дальше) стать вдохновителями трансформаторов современной анархистской мысли (см.: *Адамс Дж.* Пост-анархизм в двух словах. – URL: http://hakim-bey.gnostik.ru/crit_adams.htm). Их работы были приняты постмодернистским анархизмом в качестве важных теоретических источников, и несмотря на то, что, например, Делёз и Фуко отрицали всякие попытки соотнесения их концепций с анархизмом, нельзя не вспомнить о так называемой «анархии желаний», о которой Делёз и Гваттари говорят в «Анти-Эдипе». Можно также привести весьма убедительную (и чрезвычайно значимую в контексте рассматриваемой проблемы Единство / Множество) мысль из «Тысячи плато»: «... *анархия и единство – одно и то же, не единство Единого, но куда более странное единство, говорящее только о множественном*» (см.: Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. С. 263). С другой стороны, Негри и Хардт, которых вполне можно считать теоретическими наследниками французского философского тандема (более того, в соавторстве с Гваттари Негри была написана работа «Новые пространства свободы»), не принимают анархию как синоним беспорядка, вписанный в семантический ось «суверенная власть-анархия»: «Мы не связаны больше прежними условиями шантажа; речь не идет о выборе между суверенитетом и анархией. Между верховной властью и анархией встает способность множества совместно продуцировать общественные взаимоотношения» (см.: *Хардт М., Негри А.* Множество: война и демократия в эпоху империи. – М.: Культурная революция, 2006. С. 405). Тем не менее как Вирно, провозглашающий антигосударственный характер множества, так и Негри / Хардт, открыто заявляющие о том, что «саму верховную власть следует поставить под вопрос и уничтожить» (см.: *Хардт М., Негри А.* Множество: война и демократия в эпоху империи. С. 394), не могут не ассоциироваться с анархистской мыслью. Показательным является использование одного из ключевых понятий постопераизма – Общее – современными анархистами (см. статью представителя спекулятивного реализма Леви Брайданта «Аномальный коммунизм / анархизм», в которой заявлено буквально следующее: «“Ан-архия” не означает

“без закона”, но “без предельной или трансцендентной власти, устанавливающей закон”. Нормы – всегда условные и подлежащие отказу и пересмотру – возникают из общего (the common), а не по прихоти монарха» (см.: *Брайант Л.* Аномальный коммунизм / анархизм. – URL: <http://poslezavtra.be/pleat/2014/04/05/anomalnyy-kommunizm-anarhizm.html>).

³² Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. С. 121.

³³ Негри А. Труд множества и ткань биополитики. – URL: <http://polit.ru/article/2008/12/03/negri/>

³⁴ Хардт М., Негри А. Империя. – М.: Праксис, 2004.

³⁵ Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2013. С. 14.

³⁶ Берарди Ф. Всеобщий интеллект станет полем великой битвы будущего. Интервью *The Prime Russian Magazine*. – URL: http://primerussia.ru/interview_posts/304

³⁷ Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. С. 408.

³⁸ Badiou A. *Logics of Worlds: Being and Event II*. – N. Y.: Continuum, 2009. P. 387.

³⁹ Phelps H. *Absolute Beginnings... Almost: Badiou and Deleuze on the Event // Event and Decision: Ontology and Politics in Badiou, Deleuze and Whitehead*. – URL: http://whiteheadresearch.org/occasions/conferences/event-and-decision/papers/Hollis%20Phelps_Final%20Draft.pdf

⁴⁰ «Единого нет, есть лишь актуальные множественности, а основание пусто-ет» (см.: Бадью А. Делёз. Шум бытия. С. 75).

⁴¹ Бадью А. Философия и событие. Беседы с кратким введением в философию Алена Бадью. – М.: Институт Общегуманитарных исследований, 2013. С. 126.

⁴² Бадью А. Манифест философии. – СПб.: Machina, 2003. С. 69.

⁴³ Кузнецов В.Ю. Взаимосвязь единства мира и единства культуры. С. 108.

REFERENCES

Adams J. *Post-anarchism in brief*. Available at: <http://hakim-bey.gnostik.ru/crit-adams.htm> (trad. in Russian).

Badiou A. *Deleuze. The Clamour of Being*. Moscow, Research Foundation *Pragmatics of culture*; Logos-Altera / Ecce homo, 2004 (trad. in Russian).

Badiou A. *Logics of Worlds: Being and Event II*. New York, Continuum, 2009.

Badiou A. *Manifest of Philosophy*. Saint Petersburg, Machina, 2003 (trad. in Russian).

Badiou A. *Philosophy and Event. Interviews with brief introduction into philosophy of Alain Badiou*. Moscow, Institute of Generic Humanities, 2013 (trad. in Russian).

Berardi F. *General Intellect will Become the Great Battlefield of the Future*. Interview for *The Prime Russian Magazine*. Available at: http://primerussia.ru/interview_posts/304 (trad. in Russian).

Bryant L. *Anomalous Communism / Anarchism*. Available at: <http://poslezavtra.be/pleat/2014/04/05/anomalnyy-kommunizm-anarhizm.html> (trad. in Russian).

Butler J. *Subjects of Desire: Hegelian Reflection in Twentieth-Century France*. New York, Columbia University Press, 2012.

Deleuze G. *Immanence: Life...* Available at: <http://dironweb.com/klinamen/fila15.html> (trad. in Russian).

Deleuze G. *Logic of Sense*. Moscow, Akademicheskiiy Proekt, 2011 (trad. in Russian).

Deleuze G. *Lucretius and Naturalism*. Available at: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000175/index.shtml> (trad. in Russian).

Deleuze G. *Difference and Repetition*. Saint Petersburg, Petropolis, 1998 (trad. in Russian).

Deleuze G. *Fold. Leibniz and the Baroque*. Moscow, Logos, 1997 (trad. in Russian).

Deleuze G. *Foucault*. Moscow, Humanitarian literature Publishers, 1998 (trad. in Russian).

Deleuze G., Guattari F. *Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia*. Ekaterinburg, U-Factoria, 2008 (trad. in Russian).

Deleuze G., Guattari F. *A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia*. Ekaterinburg: U-Factoria; Moscow, Astrel, 2010 (trad. in Russian).

Eco U. *Poetics of Joyce*. Saint Petersburg, Symposium, 2006 (trad. in Russian).

Gasparyan D. *An Introduction into the Non-classical Philosophy*. Moscow, ROSSPEN [Russian Political Encyclopedia], 2011 (in Russian).

Hardt M., Negri A. *Empire*. Moscow, Praxis, 2004 (trad. in Russian).

Hardt M., Negri A. *Multitude: War and Democracy in the Age of Empire*. Moscow, The Cultural Revolution, 2006 (trad. in Russian).

Komarov S.V. *The Anatomy of the Fold of G. Deleuze*. Available at: <http://www.academia.edu/3168979/> (in Russian).

Kuznetsov V. *Interrelation of the Unity of World and the Unity of Culture*. Moscow, Institute of General Humanities, 2013 (in Russian).

Leibniz H.W. *Monadology*. Available at: <http://philosophy.ru/library/leibnitz/mon.html> (trad. in Russian).

Marshart O. The Absence in the Heart of Presence: Radical Democracy and the 'Ontology of Lack'. *Radical Democracy between Abundance and Lack*. Lars Tonder, Lasse Thomassen (eds.). Manchester, Manchester University Press, 2005.

Negri A. *The Labor of Multitude and the web of Biopolitics*. Available at: <http://polit.ru/article/2008/12/03/negri/> (trad. in Russian).

Phelps H. *Absolute Beginnings... Almost: Badiou and Deleuze on the Event. Event and Decision: Ontology and Politics in Badiou, Deleuze and Whitehead*. Available at: http://whiteheadresearch.org/occasions/conferences/event-and-decision/papers/Hollis%20Phelps_Final%20Draft.pdf

Pospelova O.V. *Ontological horizons of the political theories: an experience of meta-philosophical analysis*. Available at: <http://www.polygnozis.ru/txt/601.pdf> (in Russian).

Robinson A. *Why Deleuze (still) matters: States, war-machines and radical transformation*. Available at: <http://ceasefiremagazine.co.uk/in-theory-deleuze-war-machine/>

Tonder L., Thomassen L. Rethinking Radical Democracy between Abundance and Lack. Introduction. *Radical Democracy between Abundance and Lack*. Lars Tonder, Lasse Thomassen (eds.). New York, Manchester, Manchester University Press, 2005.

Virno P.A. *Grammar of the Multitude: For an Analysis of Contemporary Forms of Life*. Moscow, Ad Marginem Press, 2013 (trad. in Russian).

Zherebkin S. *Unstable Ontologies in Contemporary Philosophy*. Saint Petersburg, Aletea, 2013 (in Russian).

Аннотация

В статье проанализирована проблема единства/множества в современных онтологических построениях. Основное содержание работы посвящено рассмотрению модусов трансформации единства в так называемых нестабильных онтологиях на примере концепций представителей онтологии избытка (Ж. Делёз, А. Негри, П. Вирно).

Ключевые слова: нестабильность, онтология, единство, множество, имманентность, общее.

Summary

The article analyzes the problem of unity/multitude in contemporary ontological constructions. The main content of this work is devoted to the scrutiny of modes of unity transformation in the so-called unstable ontologies, based on the conceptions of the representatives of the ontology of abundance (G. Deleuze, A. Negri, P. Virno).

Keywords: instability, ontology, unity, multitude, immanence, common.